

шолта

И.М.Бунин

МЫ ПОТЕРЯЛИ ВЕЛИКОГО УЧЕНОГО¹

¹ Из выступления
на семинаре
«Полития»
29 сентября
2005 г.,
посвященном
памяти
А.М.Салмина.

С Лешей я познакомился в 1982 г., когда пришел в ИМРД АН СССР из Института мировой экономики и международных отношений вместе с Г.Г.Дилигенским и К.Г.Холодковским. После того, как там арестовали двух молодых сотрудников, надо было уходить. Я знал труды Алексея до этого, особенно те, которые он публиковал в ИНИОНе. Я знал, что этот человек, который занимается Францией, одновременно писал работы на самые разные темы. Было ощущение, что ему нужно несколько недель, чтобы войти в тему, «войти» в страну и написать книгу. Еще у меня была информация от Юрия Пивоварова, который говорил о нем восторженно, как о подлинном ученом-энциклопедисте. Леша был беспартийный, я тоже был беспартийный...

Первый раз мы с ним за границу поехали в Болгарию, это было в 1985–86 году. До того мы были вынуждены писать о странах, в которых никогда не были. Алексей сделал очень много для политологии, для нашей страны, это был истинный политический философ, но он мог сделать гораздо больше, я думаю. Это был ученый, который должен был работать в башне из слоновой кости, и А.А.Галкин предоставил ему возможность писать так, как он хотел, почти без цитат из Маркса, Энгельса и Ленина. Это была редкая возможность.

Когда началась перестройка, этот человек одним из первых в августе 1991 г. пришел к Белому Дому. Тогда началась его политическая жизнь, и одновременно встала другая, совершенно парадоксальная проблема борьбы за выживание. Я помню, как он говорил мне: «У меня семья, надо бороться за выживание!» Это отчасти помешало Алексею стать тем ученым, имя которого было бы известно во всех политологических кругах мира.

Он был готов бороться за любую идею, которая помогла бы нашей стране. Накануне вторжения в Чечню мы написали записку, в которой изложили, к чему это приведет. Он многим ее носил, со многими разговаривал, но войска в итоге вошли, и последствия этого мы все ощущаем.

Я просмотрел перед семинаром одну из его последних книг по Франции. Я ведь раньше был франковедом – сейчас от этого, конечно, мало что осталось... Основной вывод Алексея в том, что Франция сначала, после дела Дрейфуса, пришла к республиканскому синтезу, когда трон, алтарь и сабля в конце концов, примирились со свободой, равенством и братством. Намного позже, после всевозможных испытаний, к

республиканскому синтезу добавился еще один, вторичный – «антифашистский консенсус». Их сочетание и придает стабильность французской политике. И вот я подумал: а не сравнить ли этот двухуровневый консенсус, который существует во Франции, с российским консенсусом?

Я считаю, что этап первичного республиканского синтеза в России пройден. Ни одна влиятельная политическая сила уже не выступает за восстановление монархии, за юридическую отмену выборов и разделения властей. Лишь очень небольшие маргинальные группы остались вне этого синтеза. Но что касается вторичного синтеза, то тут в России очень много проблем. Казалось бы, социологические исследования показывают, что большинство россиян выступают в поддержку демократических свобод и социального государства, представители элиты этого не отрицают. Но проблем все равно достаточно много. Возьмем свободу слова. Все зафиксировано в Конституции. Казалось бы, это неоспоримая вещь, но диапазон характеристик очень широк. Можно понимать свободу слова как классическую свободу, существующую в странах Запада, можно – как принципиальную возможность для работы в оппозиционных СМИ, можно понимать как доминирование государства на телевидении, и пусть расцветают сто цветов в печатных СМИ и Интернете, можно понимать как жесткую цензуру при формальном признании медийного плюрализма. По отношению к свободе слова общество расколото.

Так же оно расколото по вопросу о свободе совести. Что значит свобода совести? Можно ходить в православную церковь или вообще никуда не ходить? Или надо отдавать приоритет только традиционным религиям – но включать ли туда католиков и старообрядцев? Или выбрать модель, которая исключила бы дискриминацию любых религий вообще?

То же самое с многопартийностью. Никто не выступает за однопартийное государство, но продолжают разговоры, что партий многовато, что вот, мол, неплохо бы иметь две-три партии, как в Англии и США...

То же самое с экономической свободой. Да, частную собственность никто не отрицает. В плане ее поддержки мы достигли уровня Польши и Венгрии, несмотря на то, что рыночные отношения и частная собственность были выжжены у нас гораздо сильнее, чем в этих странах. Но вот каковы допустимые пределы частной собственности, непонятно. Чем можно владеть – нефтяной компанией, угольным разрезом или только маленьким предприятием?

Или проблема социального государства. У нас представлены все мнения – от жесткого патернализма до радикальной формы экономического либерализма...

Дело тут, конечно, в том, что у нас нет традиции демократии и рынка и нет европейской идеи. В результате синтез второго порядка идет очень медленно и сложно. С другой стороны, если Франции пришлось

потратить для достижения этого синтеза 150 лет – от 1789 г. до 1946 г., до Конституции IV Республики, то я думаю, что мы достигнем этого синтеза гораздо быстрее. Потом будет синтез третьего порядка – но до этого еще далеко.

Таким образом, подход Алексея Салмина, гениально использованный им во французской политике, легко можно применить и по отношению к российской политике. Мысли и идеи, разбросанные великим учёным, без особых проблем превращаются в политологические парадигмы, необходимые всему научному сообществу.